

Я давно вынесла глубокое беждение: только тот, кто наблюдает репетицию, может по-настоящему почувствовать дух спектакля.

У Бертмана главрежа «Геликон-оперы», так: ставит трагедию — на репетициях шутки, репризы на грани дозволенного и не очень, смех. А смотришь готовый спектакль — трогает, сердце щемит, струны души звенят. Чудный и чудной процесс превращения одного в другое и есть репетиция.

Сейчас в работе «Мазепа» Чайковского. По мотивам пушкинской «Полтавы». Время действия — тридцатые сталинские годы, место — провинциальный украинский городок. Как говорил Анатолий Эфрос, «без сильного крена из штампа не выскочишь». Репетиция в «Геликоне» и есть спектакль с сильным креном. Со своим сюжетом, диалогами, ариозо и ансамблями смешных фраз, нелепостей, реплик. Здесь всегда один главный герой — Главреж. Может бросить неприличную шутку, но все утверждают: интеллигентный человек. Фонтанирует идеями, но искусственно не выпендривается. А это для режиссера — паспорт качества.

...Зря неслась летучим голландцем: репетиция задерживается — приехали телевизионщики, монтируют софиты. Артисты дожевывают завтраки под чай в закулисье. Кто-то распеваётся. Народ медленно тянется в хоровой класс, пока без костюмов. Наконец нарисовался Бертман:

— Телевидение не замечаем! Не комплексуем! Начали!

Выходит Герман Апайкин, он же Андрей. Как будто из песочницы, в руках — мяч и меч, игрушечный пистолет:

*«В бою кровавом,
на поле чести
Искал я всюду тебя, Мазепа,
Тебя, злодей!»...*

Смешно. Ему бы еще сладкого петушка на палочке. А Главному того и надо:

— Всю арию попытаюсь показать, будто ты пришел поиграть в войну! Никакой драки не будет! Главное — мяч в оркестр не бросать, а то у нас опять будут... (ищет слово) м-м-м... (изящно, с придыханием) неприятности.

Концепция режиссера должна чувствоваться не умозрительно, а всем актерским существом. Потому Бертман дает «простенькие советы» — символы очень понятных состояний:

— Для тебя главное, что Мазепа — враг народа. Должно получиться соло Павлика Морозова! Понимаешь, у тебя есть за пазухой — флаг!

Павлик Морозов получается: «Клянуса са-а-аблей!» Замахивается запальчиво почему-то на мирно сидящего артиста Вылегжанина. Тот уворачивается и прячет ноги под стул. Интересно — как спят режиссеры после премьеры? А если художественные расчеты окажутся несостоятельными?

Третье действие. Почти финал. Появляется Мария (Лена Качура).

— Вылезай из норы постепенно, должен быть акт ужасов

— сначала коготь, палец, потом — рука. Никто не знает, кто это: «Нет, я не суслик, я — барсук!» Никто не знает, что там — оперная певица Качура!

Андрей давно лежит, раненый Мазепой, накрытый его шубой. От телеламп жарко.

— Можно мне встать?

— Ладно, выйди из шубы. Иди обсыхай.

— Лена, не играй сумасшедшую, это они — сумасшедшие. Готовься к замечательной сцене эксгумации!

«Ну прямо триллер!» — издаваюсь про себя и вздрагиваю: в руках Марии и вправду череп.

НОВАЯ ГАЗ. — 1999 — 25-31 ЯНВ. — С. 14

ДОБЫЧА ВОСТОРГА

Репетиции бывают рядовые, сержантские и генеральные

— Понемногу земли бери, не надо экскаватором работать! При этом на полу земли никакой нет — пантомима.

Мазепа (Сергея Костюк) так страстно сжал Марию в объятиях, что Лена только мычит:

— Дима, мне землю девать некуда.

— Пусть сыплется! У тебя план, что ли? Ты — беременная женщина!

Показывает на красный мяч: «Возьми свой живот!» Мария берет мяч и засовывает под кофточку — беременной не бывает!

Орлику (Володе Горохову):

— Смелей, ударяй Мазепу! Ты — главный администратор театра! Тебе можно! Ты должен быть полезным жуликом!

Бертман быстро вытаскивает из актрис все, что нужно для сцены, потому что способен «открыть» женщину. Приемы дозволенные — кому-то что-то шепнул, кого-то обнял, с кем-то «подвуммысличал», подмигнул:

— Где Резасва? Где моя любимая?

Лене Ионовой, жене Кочубея, строгой училке-злючке, кокетливо:

— Леночка, я бы хотел быть твоим учеником!

Актрисы заряжены: они — нравятся! Вперед, на мизансцену! ...Наутро — первая репетиция «Мазепы» на сцене.

Ночью смонтировали декорации: руины разрушенного дома. Или — не дома, а целого мира?

Груды камней, ошметки автомобильных шин, обломки окон, лестниц, старых — гармошкой — батарей, литых оград... Зато все выкрашено в синий цвет, и сразу ясно — река времени, и на этой исторической свалке — белая лодка с веслами. На правом и левом флангах — старомодные школьные парты. Сюр-р-реализм!

Артисты на всем «этом» еще не стояли. Потому до начала репетиции разрешено походить по сцене, привыкнуть, так сказать, пристреляться. Все загудели, бросились на сцену.

Каждый бродит, как «кошка, гуляющая сама по себе», общей картиной являя художе-



Сцена из «Мазепы»

В зале хихикают. Господи, прости! И это — оперный режиссер.

Мизансцена оживает, начинает дышать, правда, еще не полной грудью.

— Лена! Кружись! Не так! Быстрее и радостней! Нет! Не то!

Вдруг выскакивает между рядов и кружится сам. И, перейдя на октаву вверх, дурашливым женским голосом:

— В прошлый раз я на контрабас падала, а теперь на валторну! — Плюхается в кресло: — Поняла?

Любаши, Марии, Мазепы и Кочубеи «запаса» давятся от смеха.

Мария в лодке.

— Положи голову на перекладину! Смелей! Ты — хозяйка лодки! Дочка нового русского! Ты как бы всем говоришь: «Моя лодка, папа мне построил!»

Вдгонку, после паузы, хитро: «А Лужков — запластил!»

Мария хохочет. Вот уж истине: «Когда б вы знали, из какого сора»...

— Возьми весло, гребі! Медленней...

Мария гребет. Главный молчит, смурится. Вслух ко всем, сомневаясь: «Девушка с веслом получается...» Все молчат. Проклятый совковый символ! Кто-то неуверенно: «Да нет же! Просто она еще юная — два весла ей не удержать...» Бертман переваривает. Примеривается. Думает. Снова: «Вылитая девушка с веслом!» Вот привязался!

Из зала: «Дмитрий Саньч, все нормально!»

— Все-таки приерживай другой рукой и второе весло.

Можно подумать, второе весло разнесет вздрезги совковый памятник паркового искусства. К тому же Лена Качура в белом платье школьницы — от силы лет на тринадцать тянет: вылитая Лолита.

— Лена, никогда на сцене руки не должны быть параллельны! Всегда ассиметричны! Параллельны бывают только... (презрительно) в оперных театрах!

Все знают, что Бертман терпеть не может «искусства позы» — когда артист на сцене складывает руки на животе и поет арию. Даже если голос — чистый бриллиант. Демонстрирует он это сногшибательно: ручки в замочек, глазки — шелочки. Поза пышногрудой драматической сопрано — холячий оперный кич. Все смеются потом три дня и три ночи.



Главреж Бертман: пойми, это грудь Марии, а не депутата

ственное воплощение форменного бруновского безобразия. Художники Тая Тулубьева и Игорь Нежный настроенно поглядывают на этот вертеп — как бы чего не вышло. Пересеченная местность не для слабонервных — наклон свалки крут, как правый берег Днепра: свалиться — нечего делать. Да еще ямы. Это замысел Главного, из них и будут вылезать сюрпризы.

Как парусник в шквальный ветер, в зал врывается Главный. Глаза красные, как у пересоленной иваси «решающего года пятилетки»: не спал две ночи подряд.

— В лодке уже была? — это мне. Без паузы: — Туда нальем тонну воды. Во время Полтавской битвы. Ты поняла? Тон-ну!

Тонна впечатляет. Какая-то сволочь во мне противным голосом тетки из жэка: «А если про-

По Бертману, театр — существо реальное, а оперный — прилагательное. Это и есть «сермяжная правда», суть и притягательная неповторимость «Геликона». Отношения режиссера и дирижера в свете актуального — кто кого? — давно устоялись. Валера Крицков, дирижер «Мазепы» (для тех, кто не понял смыслового акцента, — еще раз: **ди-ри-жер!!!**), на одной из репетиций, не переставая махать палочкой, вдруг закричал артисту, нарушающему режиссерский замысел мизансцены: «На стул! На стул!», свободной рукой указывая место на сцене. В зале наступила тишина. Потом прокатился дружный хохот. Бертман молча подошел к Крицкову и театрально пожал руку. Вот он, триумф режиссуры!

Рассаживает девиц-невест — их двадцать — в лодке: «Ближе, на передний план! Вы должны драться за передний план! Сядьте чуть-чуть, легко — на восточное полушарие!»

— Уходите со сцены спокойно, не как очередь за хлебом!

— Обнимай его, пока он не возбудится! Всё — ложитесь в лодку, отдыхайте.

Двусмысленно: — У вас редкая возможность...

Притом что у Сережи Костюка жена Лариса — в зале. Улыбается.

Мазепа-Костюк и Мария-Качура затихают в лодке. Вдруг оттуда не по сюжету поднимается рука Мазепы с оттопыренным большим пальцем — мол, полный кайф! Ясно: это для жены — она в зале. Жест всем нравится.

Бертман «лепит» противоречивые характеры, чтобы мы помучились: кто он, Мазепа — романтический персонаж или синоним низкой измены и бесчестия?

Я давно задаю себе вопрос: почему Микаэла в «Кармен» так занудна и бескровна, скучна, как моральный кодекс строителя коммунизма? Поняла: такой нудно-правильный, положительный характер. Ну Бертман и не выдержал. Вложил ей в руку нож. Кармен она убила...

Я видела то, чего никогда не видит зритель, — рождение ребенка.

Он появляется на свет под звуки волшебной музыки великой оперы. Я видела его сморщенным, некрасивым, в пленках и памперсах, слышала его первое дыхание. Родители осторожно к нему привыкали. Я наблюдала, как младенец учился ползать, говорить... Я видела муки, радость сомнения...

Вы придете на спектакль, займете место в партере, будете смеяться или плакать. Но этого уже никогда не увидите.

● Людмила СТОЛЯРЕНКО
Фото автора

● P.S. Премьера оперы состоится 30, 31 января и 3, 4, 6, 7, 8 февраля